

Иго распалось — эхо осталось...

Б. Дугаров

Знаменитый этнограф, крупнейший специалист нашей страны по монголоведению, буддологии и тибетологии, лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области литературы и искусства Баир Сономович ДУГАРОВ был удостоен премии «Соловьи, соловьи...» и вошел в достойную когорту фатьяновских лауреатов в юбилейной «Антологии», выпущенной к 45-му Всероссийскому празднику песни в Вязниках.

На Солнечной поляночке выступление Народного поэта Бурятии было встречено аплодисментами, а на вечеру в Музее песни XX века он поделился со своими коллегами не только стихами, но и глубокими размышлениями о текущем литературном процессе и о жизни нашего народа, что называется, «вдали от столичной суеты».

Увы, стихи выдающегося, всемирно известного поэта, пишущего на русском — с ярким бурятским акцентом — языке, издаются сегодняшними, непростительно малыми, тиражами и доступны лишь узкому кругу любителей поэзии.

Мы предлагаем нашим читателям небольшую подборку из двух недавних книг Баира Дугарова: «Монголжон» (Элиста, 2017) и «Тэнгрианские песни» (Москва, «Воймега», 2017).

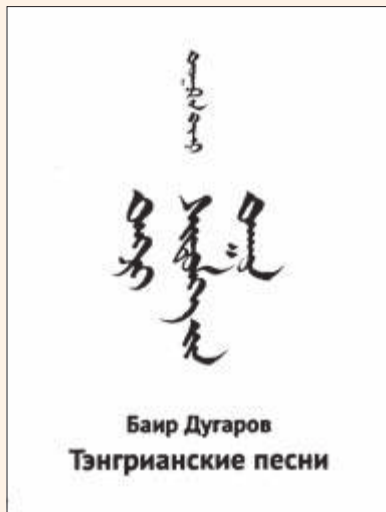

ТЭНГРИАНСКИЕ СТАНСЫ

1. Перелётные птицы летят, с пути не сбиваясь в туманах.
Камень, брошенный в воду, на воде оставляет круги.
Где б мы ни были, в каких бы ни жили веках и странах,
круг един человеческой нежности и тоски.
2. Пролетают столетия, сменяют друг друга боги.
Степи стелются войлоком, горы встают на дыбы.
Где б ни встретились мы, по какой бы ни шли дороге,
круг един человеческой радости и судьбы.
3. Эхо Вечного Синего неба хранят громовые сутры.
В каждой капле дождинки материнская есть слеза.
Как ни мчались бы в бездну со скоростью света минуты,
круг един, обнимающий землю и небеса.
4. Сон о грозных потомках снится в небесных горах волчице.
По каскадам хангайских ветвей стекает к корням синева.
Кем бы ты ни был: человеком, луговым цветком или птицей,
круг един проявлений существующих форм естества.
5. Вырезает поэт посланье векам на холодном камне.
Дух стремится к созвездьям, письмена остаются с людьми.
Что бы ты ни творил в безумном соавторстве с облаками,
круг един человеческой ненависти и любви.
6. Поднимаю я к небу глаза, а в ответ оно молнией брызжет.
Опускаю глаза: твердь земная у меня под ногами горит.
Кем бы ни был — богами или дьяволом — узор твоей
жизни вышит,
круг един человеческой песни — со смехом и плачем навзрыд.
7. Я улыбкой мгновений сотворён в этой жизни
для встречи с тобою.
Ты былинка моя и богиня обретшего плоть миража.
Сколько б ни умирал я, но вновь воскрешаюсь любовью.
Круг един человеческой сути, пока мир обнимает душа.

АЗИЯ

- Аз — на монгольском наречье «удача и счастье».
Да, именно «счастье».
Азия, лани твои торопили моё на земле появленье,
Азбука вечных письмён, проступавших на пальмовых
листьях и скалах.
Азимут веры, искавшей в пустыне опору и храмы
в душе воздвигавшей.
Алан-гуа, из сияния лунных лучей сотворявшая
всадников грозных.
Алою пылью клубились просторы, и лотос в уставшей
пыли распускался.
Айсберги гор вырастали из бездны песчинок,
спрессованных жизнью и смертью.
Азия — твой караван так велик, что отыщется след
мой едва ли.

Из эссе «ПОЛЧАСА С ГУМИЛЕВЫМ

...У дверей он крепко, двумя руками пожал мне руку, проводил до лифта. Я сказал на прощанье по-бурятски «Баяртай»: («До свидания»), И он тоже повторил: «Баяртай».

Тэнгри мне отпустил на беседу всего полчаса —
С опальным провидцем двадцатого века.
И миг пролетел, но я видел так ясно глаза
Обретшего истины свет человека.
И в дебрях столетий вилась путеводная нить,
И зыбкие тени кружились былого.
Всего полчаса, а как много хотелось спросить
У Льва Николаевича Гумилёва.
По-прежнему солнце плывёт в небесах высоко.
И всем временам отведён свой регламент.
И музу истории — мудрую бабу Клио
Хранил от забвения жёлтый пергамент.
И всадники мчались, вращая в простор, как в седло,
И дали сближались пространства земного.
И эхо кочевников светлую явь обрело
У Льва Николаевича Гумилёва.
Историк, сын русских поэтов, в душе сам поэт,
Он в мыслях не раз проходил с караваном,
И с хуннским шаньюем встречал не однажды рассвет,
И чашу раздумий делил с Чингисханом.
Кто скажет так мудро и верно о славной Степи —
Прочувствованно добрым и искренним словом?
Прошли полчаса, но беседуют предки мои
Со Львом Николаевичем Гумилёвым.

ЗВЕЗДА КОЧЕВНИКА

Мужчине — путь, а женщине — очаг.
И чтобы род мой древний не зачах,
роди — молю и заклинаю — сына.
Стрела летит, куда жив мужчина.
Мужчине — дым, а женщине — огонь.
И чтоб в бою мой не споткнулся конь,
я должен знать, что юрту греет пламя,
как предками завещанное знамя.
В мужчине — дух, а в женщине — душа.
Травинка держит небо трепеща.
Без очага, без сына, без любимой,
как одинокий смерч, развеюсь над равниной.

* * *

Чем тише народ, тем глубинней печаль.
Поймёт её только таёжная даль.
И смотрят на горы с надеждою шорцы —
С глазами маральными скромные горцы.
Струна разрывается волосная.
Тайгу заливают эпоха стальная.
С плотин низвергаясь лавиною яркой,
Грохочет нео-Ангара Ниагарой.
А время иную творит правоту,
Неся в глухомань городскую звезду.
И рощи священные мест заповедных
Исчезли под шум репортажей победных.
Но детям Природы — кочевникам гор

Заменит ли Мать рукотворный простор?
И мир кочевой лебединую песню
Слагает под кровлею дымных небес.

МЫ ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ РОССИИ

Мы внебрачные дети России,
Мы грустим на её мостовых,
Вспоминая просторы степные
И величие кочевий былых.
Не ищите в растаявшем дыме
След поправшего мир бунчука.
Евразийцами кровно родными
Мы останемся здесь на века.
Принимая за счастье неволю,
Городской подчинимся судьбе;
И в тоске по утраченной воле
Усмехнёмся друг другу в толпе.
Но мы знаем, какие просторы
Тэнгрианский очерчивал знак.
И клинков отгремевшие споры
Уравнила Клио на весах.
И забыться потомки не в силе
В круговерти сегодняшних дней.
И слагается карма России
От сплетенья корней и ветвей.

* * *

Когда вспоминаю деревья и пни,
прозрачные реки, небесные скалы,
мне помнятся только погожие дни,
как будто ненастных совсем не бывало.
Когда вспоминаю в дороге своей
летающие годы большого столетия,
я помню одних лишь хороших людей,
как будто плохих не бывало на свете.

